

В фокусе прессы

13 мая 1956 года около 15 часов на своей даче в Переделкине выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством кандидат в члены ЦК КПСС писатель Александр Александрович Фадеев. Так трагически завершилась жизнь крупного советского писателя, автора многих произведений, оставивших незабываемый след в памяти многих и многих миллионов советских людей.

Расследованием, проведенным в то время, было установлено, что накануне, 12 мая, А. А. Фадеев находился у себя на московской квартире, где имел продолжительную беседу с пришедшими к нему писателями С. Маршак и Н. Погодиным. Вечером А. А. Фадеев вместе с 11-летним сыном приехал на дачу в

Переделкино, где и находился до последней минуты своей жизни. Секретарь писателя Кинпович рассказывала, что после разговора с Маршаком А. А. Фадеев никак не мог успокоиться, на него не действовали никакие снотворные средства. Домработница Ландышева сообщила, что А. А. Фадеев утром 13 мая приходил к ней на кухню, но от завтрака отказался. Выглядел очень взволнованным. Около 15 часов в кабинет А. А. Фадеева зашел его сын Миша и увидел отца лежащим в постели мертвым, с огнестрельной раной в груди. Рядом был револьвер системы «Наган». Здесь же находилось письмо, адресованное в ЦК КПСС...

Известие, — 1960. — 20 сент.

Предсмертное письмо Александра Фадеева

Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, из самых «высоких» трибу — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, — раздался новый лозунг «Ату ее!» Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные

были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, унизтожали, идеологически пугали и называли это — «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, скажарась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единцы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находится в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадей, в лошадью извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни

своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот высший плод нового строя — уижена; затравлена, загублена. Самодоустройство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

А. ФАДЕЕВ.

13.V.56.

«Гласность» № 15.
20 сентября 1990 года.